

Гипосубъект Т. Мортон как новый образ человека

А. А. Медникова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: *Медникова А. А. Гипосубъект Т. Мортон как новый образ человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 3. С. 341–353. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.306>*

В статье рассматриваются произведения Т. Мортон и выделяются основные положения, задающие структуру его философии. Мортон не выделяет эксплицитно свою полную антропологическую позицию, но на основании центральных тем его философии воссоздается концепция человека. В качестве источников использовались статьи «Экология без природы» и «Квир-экология», а также книги «Стать экологичным», «Экологическая мысль», «Гипосубъекты о становлении человека». Данный подход еще не был осуществлен в русскоязычной философской литературе по отношению к выбранным источникам. В русскоязычных статьях, как правило, можно встретить развитие идей Т. Мортон, не касающихся антропологических тем. Несмотря на это, именно антропологический анализ особо интересен, поскольку экологическая проблематика связана не только с проблемами окружающей среды, но и социальными процессами и вопросами о человеке как таковом. Ф. Гваттари в книге «Три экологии» заметил, что экологический дисбаланс и повышенный интерес к этой тематике приведет к изменению повседневности, коллективности и, что важнее всего, к новому типу субъективности. На основании вышеуказанного материала был проведен анализ новой субъективности, свойственной человеку экологичного общества. Используя философско-антропологический подход, свойственный философии И. Канта, автор также приходит к выводу об антиантропоцентричности не только философии Т. Мортон, но и его проекта, поскольку Мортон, согласно европейской традиции, признает «смерть человека» и работает в двух направлениях: антропоморфизирует сущее и анимализирует человека.

Ключевые слова: человек, Т. Мортон, природа, экология, гипосубъект, гиперобъект, гиперсубъект, экзочеловек.

Первым, кто последовательно реализовывал философскую антропологию, оказался И. Кант, поскольку он подчинил все вопросы философии вопросу «что такое человек?» и считал, что от ответа на него зависят все остальные направления философии [1, с. 332]. Данный подход в философии называется антропологичным. В Европейской философии представляется трудной задачей найти мыслителей, чей подход был бы антропологичным.

Антропоцентричным называется подход, свойственный гуманистам, заявляющим, что человек является центром мира, от которого этот мир зависит и которому мир должен подчиняться. В отличие от антропоцентричной философии, антропологичная не заявляет, что человек — самое главное существо. Наоборот, в антропологичной философии о человеке говорят в терминах «иного» по отношению к миру.

В статье анализируется положение и важность проблемы человека в философии Т. Мортон (T. Morton) и делается вывод о направленности его философии. Кроме того, делается попытка сконструировать образ человека на основании центральных тем философии Мортон. Для этого рассматривается ряд следующих положений. Во-первых, отказ от термина «Природа», поскольку он содержит неприродное. Это приводит к размытию границы между природой и культурой, изгнанию призраков из нашего мира, невозможности отделить внутреннее от внешнего. Отказ от этого термина не способствует прозрачности и не приводит к более экологичному состоянию, поскольку оставляет нас в паутине новых понятий.

Во-вторых, Т. Мортон предлагает концепцию нового человека — гипосубъекта, отрицающего трансцендентность, но удерживающего возможность относиться к себе. Гипосубъект оказывается модулируемым существом, обнаруживающим в себе разных животных. Выделяется причастность гипосубъекта биосфере, апелляция к телесности и слабости человека, а также игре как онтологической характеристике. Рассматриваются причины гиперсубъектности человека, в избавлении от которых Т. Мортон видит путь в построении модели нового человека. Также в статье критикуется приписывание вещам двойственности, временности, поскольку эти характеристики являются особенностью человека.

В статье представлены основные положения, необходимые для анализа. Далее, на основе данных положений последовательно выявляется тип субъективности, свойственный новому человеку, гипосубъекту.

Природа

Понимание термина «экология» радикально изменилось после манифестации Т. Мортоном своих идей. Если раньше экология подразумевала идею природы, то сейчас Мортон пишет: «... нам необходимо избавиться от термина “Природа”» [2]. Это решение приводит к некоторым следствиям и изменениям, фундаментальным для положения человека, поскольку природа появляется как устойчивый термин в результате систематизации данных об окружающей среде, доступных для человека. Кант писал, что природа существует только в отношении к человеку, а не сама по себе [3, с. 213].

Ситуация избавления от природы заявляет об изменении отношения человека к ней, а также приводит к некоторым значимым для его бытия результатам.

Во-первых, растворяется оппозиция между природой и культурой. Если начать обобщать все, что является природой, то сложно отделить, например, стул от кошки на основе материи, поскольку и стул состоит из природных материалов. Различие между природой и культурой, стулом и кошкой, было основано на различии в их происхождении. Искусственные вещи получаются в процессе человеческой деятельности. Но критика антропоцентризма приводит к отказу от построения мира относительно человека, поэтому такое различие блокируется.

Данная оппозиция сходит на нет также потому, что природа признается культурной идеей, мифом, выполняющим функции идеологии. Культура определяет идею природы; у разных культур эти идеи различны. Природное, в свою очередь, является конструктом и отчасти вместилищем человеческого.

Если проанализировать, что включает в себя идея природы, то можно выявить две области. Во-первых, природное как обжитое человеком. Например, сады, парки, огороды, берега рек, подземелье, поверхности морей и океанов и даже воздушное пространство отчасти. Во-вторых, есть неизведанное природное, нечеловеческое, дикое. Западное общество попыталось умозрительно приручить, очеловечить эту дикую природу с помощью науки, приписывая ей неизменные законы.

Однако если проследить, как люди используют язык в отношении объектов, кажущихся природными, можно выявить некоторую закономерность. В обыденном языке природа представляется в виде атрибутов пейзажа. Дикая природа не включается в этот пейзаж, а расщепляется на множество отдельных пространств: щаша, впадина, звезды и т. д. Таким образом, природа в привычном смысле — это небольшие территории, заповедники — то, что является частью мира человека. В связи с изменением оптики философского дискурса природа становится ненужной. Причиной существования природы, отделенной от культуры, был человек. Благодаря антропоцентризму философия выстраивала дуальность природы — культуры. Отказ от главенства человека приводит к разрушению этого разделения. Намерение Т. Мортонa избавиться от природы заявляет о его антиантропоцентричной позиции.

Вместе с тем культура больше не подразумевает человеческого. Культура включает в себя все, что создает человек. Тем не менее все это нечеловечно само по себе, в том смысле, что не содержит человеческого, а лишь является попыткой человека объективировать человеческое.

Но в это все закрался агент, который претендует на человечность саму по себе. Каким образом? Этот агент — искусственный интеллект — претендует на сознание. Как человеком созданная сущность он относится к культуре. Но стоит ли относить к культуре то, что является продуктом деятельности искусственного интеллекта? Культурное не синонимично человеческому. Скорее это область, кажущаяся обжитой и очеловеченной.

Природа теряет свою функцию разделения природного от неприродного; «наука подорвала прочную и устойчивую концепцию Природы, продемонстрировав, что границы между живым и неживым или между способностью и неспособностью ощущать недостаточно однозначны и отчетливы» [2]. Т. Мортон ставит под сомнение возможность различить существование или несуществование ощущений, что отсылает к идее восприятия животного как автомата, описанной Р. Декартом [4]. Автоматы, животные, люди перестали различаться на основе чувствительности.

Т. Мортонa волнуют экологические проблемы, но его теория (квир-экология в частности) неспособна на действия. В равенстве живого организма и машины какую сторону занять, учитывая, что их способы существования различны и требуют разных до противоположности сред обитания? Во-первых, включение в квир-экологию кремния и углерода на равных позициях приводит к отождествлению органической жизни и неорганической виртуальности и релятивизации жизни.

Во-вторых, природа, по мнению Т. Мортонa, содержит множество неприродного, поскольку является такой идеей, которая, как дамба, удерживает «иерархию, авторитет, гармонию, чистоту, нейтральность и тайну» [5, p. 3], т. е. человеческое сознание. Мортон предлагает выплеснуть сознание, сломать дамбу.

Сущее в виде природы представлялось целостным, поддающимся соединению в систему. По крайней мере, так требовала способность суждения. Взамен таин-

ственной, но целостной природы Т.Мортон предлагает новый концепт: чудовищной, катастрофичной жизни. Он предлагает «квирнуть экологическую критику», т. е. признать, что жизнь «катастрофична, чудовищна, лишена целостности, непоследовательна, а отнюдь не органична, связна, надежна» [6].

Таким образом, взамен скрытой природы предлагается обнаженная жизнь. Тайна символизировала направленность, стремление к недостижимому пределу. Катастрофа явно обрушивается на человека, оказывающегося в страшной ситуации, где ценностью становится не стремление к пределам, а спасение жизни, сама жизнь.

В-третьих, изгоняются призраки. Т.Мортон увидел в природе призрак, созданный человеком, и во имя экологичности он предлагает отказаться от него, поскольку призраки являются тем, что отличает человека. Призрачна не только природа, человеческая действительность всегда призрачна [7]. Но если «призрачная Природа подавляла рост экологической мысли» [5, р. 5], то, чтобы спасти планету, необходимы экзорцисты, которые бы избавили нас от этих призраков. Но если существование призраков маркирует область человеческого, то их исчезновение приведет и к исчезновению человека.

Существование призраков связано с чувством реального. Реальности предшествует чувство реального. Поэтому Т.Мортон заявляет, что «мы должны бросить вызов нашему чувству реального и нереального, которое считает, что существует, и считает, что не существует» [5, р. 10]. Уничтожение этого чувства — это избавление от призраков, избавление от границы между человеком и окружающей средой.

Т.Мортон, отказываясь от природы, хочет, чтобы экологические объекты стали ближе к нам на материалистических началах, что исключает какие-либо видности. Он критикует позицию «Любовь к Природе» вследствие ее маскулинности, сохранения границ и различий. Он пишет: «В страхе перед своей собственной тенью она [Маскулинная Природа] не хочет иметь дел с тем, что Гегель называл ночью мира, угрожающе пустым измерением субъективности. Маскулинная Природа боится пустоты женственной “всего-навсего” внешней видимости» [2]. Мортон считает, что маскулинная природа скрывает от нас темноту и ужас, которые будут доступны вне концептов гармоничной, целостной природы. Но возможна ли ночь мира в отсутствии различий и в основании на внешней видимости? Не станет ли человек, в терминах Хайдеггера, так же скудомирен, как и животное [8]?

В-четвертых, исчезает разделение на внутренне и внешнее. Природа более не удовлетворительна, поскольку она слишком долго выступала фоном для нашей жизни, а потому раздваивала мир на наш и чужой. Это раздвоение привело к экологическому кризису. Через экологическую панику и отказ от конструкта «природа», который отделяет нас от окружающей среды, эта среда должна становится приближенной, более того «она решительно перестает быть окружающей средой, поскольку больше не находится вокруг нас» [2]. Природа вмещает в себя идею окружающей среды. Отказ от природы позволит стереть эту границу между человеком и окружающей средой, между тем, что является мной, и тем, что мной не является, между внутренним и внешним. «Мыслить экологическую мысль сложно: она вовлекает тебя в то, чтобы становиться открытым, радикально открытым — открытым навсегда, без возможности закрыться снова» [5, р. 8].

Отказ от цельности природы, то есть от отношения к природе через призму закона — это легитимация населения внешнего случайностями, призраками. Та-

кой шаг мог бы привести к положительным результатам для человека. Но Т.Мортон разъединяет природу на других основаниях и с другой целью. Он делает это для того, чтобы разрушить границу между миром человека и окружающей средой: «...между видами, живыми и неживыми существами, между организмом и окружающей средой» [6]. Итак, квив-экология отождествляет виды (т.е. человека и улитку), живое и неживое (т.е. живого червя и виртуального червя), организм и окружающую среду (т.е. человека и внешний мир). Поэтому улиток можно наделить человеческим способом проживания жизни: «улитки-гермафродиты переплетаются между собой с видимой страстью» [6], а «вопрос животного» ассоциируется с «еврейским вопросом».

Отказ от границы человека и окружающей среды неминуемо приведет к улучшению последней и восстановлению, только за это придется отдать в жертву «внутреннее» человека. Парадокс в том, что экология, имплицитно развиваемая вследствие нарастания угрозы прекращения жизни человека, сама превращается в такую угрозу. Человек заботился об окружающем мире как об условии собственного существования и выживания, в этом процессе мир сам стал угрозой, но не смерти, а исчезновения, как предчувствовал Ж. Бодрийяр [9].

Итак, проект Т.Мортон направлен на борьбу с антропоцентричностью, поскольку разрушает те дуальности, которые закрепляли позицию «человек — это центр». Поскольку человек теряет свои главенствующие позиции, Т.Мортон начинает вписывать его в план сущего. Для этого он заставляет человека отказаться от тех привилегий, которые ему даны. Он предлагает сломать преграду в виде природы, которая удерживала различие внутреннего и внешнего, человека и сущего. Для этого придется или отказаться от сознания, к которому имеет отношение только человек, или утвердить сознание за любым объектом. Отказ от сознания необходим, по мнению Мортон, поскольку действительность отделяется от человека благодаря призракам, видимостям, свойственным человеку и образующим сознание. Отказ от понимания человека как иного существа, жизнь которого основана на видимостях и галлюцинациях, заявляет об антиантропологической направленности философии Т.Мортон.

Замена природы

Вместо природы Т.Мортон предлагает пользоваться перечнем терминов, которые относятся к экологии, например, «биосфера», «экосистема» и т.д. Особенность экологических объектов в том, что они неопределенны, «не являются непосредственно и постоянно присутствующими объектами» [2]. Эта особенность проявляется, когда мы не можем однозначно определить эти объекты, так как они состоят из других объектов. Например, «луга состоят из ряда вещей, каждая из которых лугом не является» [2]. Т.Мортон вводит холизм нового типа: целое всегда меньше своих частей.

Экологические явления — пример явлений только мыслимых, но не ощущаемых (чувственно восприниматься они могут только опосредованно), и мышление об экологии становится мышлением о несуществующем. То же самое писал М. Хайдеггер: «Отыскивая сущность дерева, мы неизбежно увидим: то, чем пронизано всякое дерево как таковое, само не есть дерево, которое можно было бы встретить

среди прочих деревьев» [10, с. 221]. Нетождественность дерева и сущности дерева характерна. Эта нетождественность касается разных вещей, необязательно экологических или гиперобъектов, и отражает разницу в том, что существует, независимо от человека, и в том, как это существует для человека.

Итак, Т. Мортон отказался от природы вследствие ее несуществования, заменив ее множеством других, более специализированных объектов. Безусловно, природа перестала быть фоном, задним планом действий человека, но экологические объекты остаются нереальными для человеческого масштаба. Вытеснение природы не привело к значительным успехам: мы остаемся все на той же ступени размышления о несуществующем. Однако понятие «Природа» закрепляло множество границ, существенных для человека. Их отсутствие вынуждает предложить новую концепцию человека, адекватную экологическому мышлению.

Гипосубъект

Т. Мортон выдвигает идеи о том, как будет выглядеть наше будущее и каким будет человек. Большинство из этих положений были сформированы в его последней книге «Гипосубъекты о становлении человека».

На смену девизу «думай масштабно» (Think big, см.: [5, p. 20]) пришел новый — «думай узко» (Think small, см.: [11, p. 13]), который означает «упражнение в неустойчивом и хаотическом мышлении» [11, p. 13], призыв к слабому мышлению Д. Ваттимо. Мортон призывает нас стать меньше. Что значит уменьшение? Как оно осуществляется? Ответить на этот вопрос позволит рассмотрение концептов «гиперсубъект» и «гипосубъект».

Мир выворачивается наизнанку: заканчивается время гиперсубъектов, а на смену ему приходит время гипосубъектов. Кто такие гиперсубъекты? «Гиперсубъекты — это, как правило, но не исключительно, белые мужчины, северяне, хорошо питающиеся, современные во всех смыслах этого слова. Они используют разум и технологии, цинично или искренне, как инструменты для достижения цели. Они командуют и контролируют, они стремятся к трансцендентности, они получают огромный кайф от собственной власти» [11, p. 14]. К гиперсубъектам Мортон относит, например, Дональда Трампа и Бориса Джонсона.

Гипосубъекты противоположны. «Они не стремятся и не претендуют на абсолютное знание и язык, не говоря уже о власти. Вместо этого они играют, заботятся, адаптируются, болеют, смеются... Они обитают в трещинах и пустотах. Они выворачивают вещи наизнанку и работают с отходами и остатками» [11, p. 14–15]. Гипосубъекты уже отказались от трансцендентности. Они не могут быть больше или меньше самих себя. Они находятся в том самом промежутке между животным и человеком. У них есть чувства, но все они направлены на приспособление и адаптацию. Трансцендирование сменяется повышенной восприимчивостью к вещам. Т. Мортон отказывает новому типу человека в тех качествах, которые закрепляли человечность за человеком: сознание, речь, воля, цели и т. д.

Гипосубъекты являются частью биосферы. Гипосубъективность, конечно, не дает никаких привилегий, поскольку бактерии тоже гипосубъектны, как и люди. Мортон пишет: «...нас ждет создание будущего из руин и подготовка к долгому опасному путешествию обратно на землю. Это будущее будет принадлежать гипо-

субъектам; если мы хотим процветать, мы снова станем людьми как гипосубъекты» [11, р. 15]. Люди должны стать людьми в новом качестве. Они постоянно мимикрировали под вид, выдавали себя за *Homo sapiens*. Отныне они должны стать настоящим видом живых существ, должны вновь оказаться на земле. Т.Мортон возвращает человека в материю, заключая его в телесность.

В этих призывах формируется отказ человека от самого себя. Новый тип субъективности, гипосубъективность, оказывается не особым состоянием человека, а общей особенностью для всех живущих на Земле животных.

Человек перестает быть абстрактным понятием. Это фактическое, физическое существо, сила. Человеческий вид — это «гигантская вещь, распределенная в пространстве-времени» [11, р. 18]. Поэтому человеческий вид может восприниматься как гиперобъект в ряду других гиперобъектов, сущее среди сущего. В связи с этим сами собой отпадают вопросы индивидуальности, поскольку главенствует вид, общее.

Зачем тогда Т.Мортон вводит новый термин «гипосубъект»? Во-первых, гипосубъект нужен для объяснения априорной способности человека относиться к себе¹. «Гипосубъект — это то, что чувствует гиперобъект о себе» [11, р. 19]. Концепт «гипосубъект» задает определенные рамки чувствования. Это осознание собственной хрупкости. Таким образом, Мортон апеллирует к телесности. Он подчеркивает не двойную особенность человека быть слабым и сильным одновременно, т. е. быть слабым как вид, но преступать этот мир, быть иным, быть выше. Т.Мортон говорит только об одной черте — о слабости, игнорируя оборотную сторону: «...мы здесь слабы точно так же, как слаб наш вид» [11, р. 26].

Под силой Т.Мортон понимает титанизм, свойственный эпохе Возрождения, а не состояние «вне мира». Поэтому сильная сторона понимается как олицетворение духа промышленности и планетарного вымирания — глобального, как гиперсубъективная сторона, от которой пора избавляться.

Т.Мортон выделяет два истока гиперсубъективности человека. Во-первых, эпоха гуманизма: «Гуманизация... представляет собой логику вымирания, достигающую почти идеального функционирования, которое, если оставить все как есть, в течение следующих ста лет довольно благополучно уничтожило бы 50 % всех форм жизни на планете» [11, р. 39].

Во-вторых, обращение к внеземному: «...мы должны помнить о статусе внеземного, наших инвестициях во внеземное, как о следствии всего этого земного разрушения» [11, с. 39]. Гипосубъект ищет себе место на земле, как это делал Шелер [13, с. 41]. Т.Мортон называет нового человека «экзочеловеком»: «...гипосубъект — это в некотором смысле инопланетянин. Экзочеловек, ищущий дом». Прослеживается связь между потусторонним и внеземным. После «смерти Бога» потустороннее материализуется в космическое. Религиозная попытка преодолеть свою телесность сменяется желанием преодолеть земное пространство. Мортон заявляет о необ-

¹ Т.Мортон чаще всего пытается уйти от этого вопроса. Например, предмет искусства он трактует не как источник, запускающий воздействия человека на самого себя. Мортон пишет, что «эстетический опыт представляет собой опыт солидарности с тем, что дано... экологическое искусство — это всего-навсего искусство, которое выносит солидарность с нечеловеческим на передний план» [12, с. 127], т. е. искусство становится тем, что связывает человека с нечеловеком, но не человека с самим собой.

ходимости вернуться на землю, повысить чувствительность к местонахождению, к дислокации.

В более ранних работах Т.Мортон развивал идею сети, общей взаимосвязанности, глобальности. В последней работе он заявляет о необходимости отказаться от идеи вездесущей системы, поскольку она неэффективна с экологической и экономической точек зрения. Он приводит пример, связанный с поставкой энергии: «...большая часть нашего мышления искажена длинными неэффективными цепочками поставок ископаемой и ядерной энергии, которые расширяют возможности централизованных правительств, но заставляют остальных платить ренту за их неэффективность. Между тем, что касается солнечной энергии, а также ветра, биомассы и т. д., — их цепочки поставок намного короче. Для их работы не нужна централизованная сетевая инфраструктура; более того, они лучше всего работают не в сетевом мире. У них другая материальная политика, которая может позволить возникнуть другой человеческой политике» [11, р. 44]. Т.Мортон предлагает перейти от гипер- к локальному, от всеобщего соединения и взаимодействия, образованного наличием одного центра, к множеству независимых точек. «Другая человеческая политика» подразумевает автономное, одиночное существование, отказ от социального, всеобщего.

Мортон обвиняет экологические движения в том, что они хотят навязать вину за экологический кризис, устыдить человека. Сам Мортон не обвиняет всех людей. Он снимает с нас ответственность, но обвиняет способность трансцендировать. Она мешала нам жить экологично и открыто. Она утаивала и создавала поле невидимого. Новому человеку, гипосубъекту, нужно изменить свое мышление: ослабиться и снять ответственность.

Игра

Концепт игры очень важен для Т.Мортон. Он возвращается к постмодернистской концепции человека играющего. «Все является игрушкой, так что не существует не-игрушек» [11, р. 24]. Мортон пытается выяснить, насколько игра тотальна для человека, есть ли выход к реальности. Он выделяет два случая: или человек разумен в своей деятельности и использует игру, чтобы получилось нечто серьезное, что игрушкой не является; или человек постоянен в состоянии игры, а «официальная реальность», как выражается Т.Мортон, остается неосмысленной.

В экологический дискурс, как и всюду, входить нужно также через игру. Все что остается человеку — игровая забота, т. е. в шутку, не всерьез. «Мы утратили реальность. И в свете экологического сознания мы хорошо понимаем, почему так вышло... У нас есть *реальное*. Но в нем больше нет особого смысла» [12, с. 225].

Важным для Т.Мортон кажется ощущение нереального, свойственное человеку в момент катастрофы, поскольку он понимает реальность как результат управления вещами, результат субъект-объектной дуальности. Чувство нереального, наоборот, появляется в момент потери контроля. «Представьте, что вы попали в автокатастрофу. Это чрезвычайное интенсивное событие, настоящая травма. И именно потому в нем возникает чувство *нереальности*. Чувство нереальности сопутствует менее центрированному на вас и более опасному для эго событию, которое становится частью вас самих (и, возможно, останется травмой на всю жизнь),

одним из ваших самых ярких и даже пестуемых (вероятно, в дурном смысле слова) воспоминаний» [12, с. 215].

Т.Мортон продолжает воспринимать мир как совокупность объектов и субъектов, в котором или субъект влияет на объект, или наоборот. Нереальное его привлекает, поскольку он называет это состоянием завороченности объектом, когда последний имеет власть. Все предметы Т.Мортон обращает в чувственно-сверхчувственные.

Экополитика

Двойственность человека подразумевала, что он всегда не один. В европейской философии встречается идея существования животного в человеке. Аффективные состояния, чувствование, т.е. нерациональную часть, закрепляли за животным. Двойственность поэтому понималась как покорение животного начала.

Наследуя эту традицию, Т.Мортон предлагает заняться экополитикой, которая направлена не столько на внешнее устройство (распоряжаться вовне и властвовать — это признаки гиперсубъекта), а на работу с самим собой и отслеживанию тех существ, которых вы выпускаете в себя. «А экополитика — это все о существах, которых вы выпускаете внутрь» [11, р.19]. Понятие «человек» начинает включать в себя различные сущности, становится модулируемым.

Под экологической политикой и этикой Т.Мортон подразумевает «ненасильственное сосуществование с нечеловеческими существами» [12, р.115]. Вместо человеческого Другого, появляется любой Другой, естественный или искусственный, потому и понятие «социальное» с необходимостью должно изменяться и расширяться, что уже утвердил Б. Латур (B. Latour) [14].

Идея существования Другого также удерживает внутреннюю двойственность самого человека. Двойственность, в свою очередь, является признаком сознания. Согласно Канту, «сознание есть, собственно, представление о том, что во мне находится другое представление» [1, с. 340]. Таким образом, для сознания необходимо состояние, при котором удерживается и мое представление, и другое, т.е. и Я, и Другой. Именно Я позволяет Другому пребывать в моем сознании. Другой является носителем разных функций. Например, видит невидимое, как у Делёза [15], или знает тебя с неприглядной стороны, как у Достоевского [16; 17]. В любом случае, фигура Другого закреплялась как фигура человеческого Другого и поддерживала то, что приписывается человеку. Т.Мортон делает два шага в сторону избавления от этой концепции. Во-первых, Другой перестает быть человеческим. Во-вторых, двойственностью наделяются все вещи, но этот концепт приобретает другое значение.

Двойственность

Концепт двойственности очень важен для антропологии, поскольку он, так же как и способность трансцендирования, маркировал область человеческого. Т.Мортон рассматривает вещь как существующую в прошлом для нас, а в себе как будущность, привнося в вещь идею двойственности. И. Кант внес раздвоение только из-за присутствия человека, но это не значило, что феноменальная составляющая

должна быть закреплена за вещами. Вещи оставались целостными, раньше в них не было никаких разломов. Теперь обнаруживается, что «вещи никогда полностью не совпадают с тем, как они предстают перед другими вещами и как они используются или интерпретируются ими (а иногда и самими собой)» [12, с. 97].

Т. Мортон видит разломы, так как в том, что является, возможно установление формы, которая дает информацию о прошлом этой вещи, а сущность вещи, недоступная для нас, соотносена с будущим, с «еще не»: она еще не проявилась» [2], а потому с отсутствием. «Сущность предмета является будущим» [2]. Следовательно, вещи становятся для Т. Мортонна расколотыми.

Но вещи не расколоты. Для раскалывания нужна способность относиться к себе. Нахождение сущности вещи — это деятельность человека. Наделять вещи будущностью (т. е. временностью), рассуждать о сущности — это попытка осмыслить вещь в себе, подчинить ее себе, приблизить. Приписать вещи самостоятельную сущность, которую она в себе конструирует — значит приписать ей сознательное существование. Наделение вещи временем, которое она содержит — это восприятие вещи как человека.

Т. Мортон пытается вывести априорные формы чувственности вовне, наделив тела пространственно-временным существованием: «...любое тело создает пространственно-временное поле, которое ускоряет или замедляет движение других объектов» [2]. Восприятие мира посредством физических концепций в желании избавиться от человеческого фактора только сильнее учреждает его приписыванием человеческих особенностей воспринимаемым объектам. Поэтому объектам приписывается временное существование. Физики не могут избежать вездесущих пространства и времени и, элиминируя человека, обрекают предметы на пространственно-временное существование. Вынужденная мера для физики не является таковой для философии. Идея о том, что вещи «пространствуют», «временят», не просто относится к явлениям, но и полностью ограничивается ими.

Из отказа от наделения вещей пространством и временем не следует констатация повсеместной стабильности и неизменности. Но в целях учреждения подвижности, текучести, свойственной миру, не стоит наделять вещь этими свойствами. Сущность — это способ закрепить за предметом смысл, которым наделяет его человек вопреки собственному существованию этого предмета. Поэтому сущность может или быть, или не быть, без плавных переходов. Т. Мортон представляет сущность вещей как их жизненность, которая истощается способностью вещи являться. Кроме того, сущность — это будущность. Но время — это ничто, за ним не стоит никаких дополнительных смыслов кроме длительности. Если приписывать вещи-в-себе будущность, то значит приписывать ей длительность, т. е. некоторую изменяемость, подвижность. Но это можно было бы сделать, и не закладывая время в вещь.

Наделение вещей собственной двойственностью, указание на их несамостоятельность — это попытка поставить их в один ряд с человеком.

Вывод

Квир-экология Т. Мортонна стремится размножить различия посредством стирания границ: вместо видов, например, выделять единичности, наделять субъектностью все объекты и игнорировать понятие «субъективность». Но умножение

различий приведет к тотальному соединению всего в одно целое благодаря потере границ. В конечном счете различия были декларированы самим человеком как возможность отделить Я от не-Я с помощью придания смысла. Стереть границы — значит расщепить смыслы, ворваться в безграничный, бессмысленный мир.

Новая модель человека, гипосубъекта, не противоречит требованиям современности, и концентрирует понятие «экологическое сознание». Данная концепция отрицает значимые для человеческого особенности и стремится избавиться от них. Цель этой концепции — рассказать человеку, как перестать быть человеком: «...дорогой слушатель, мы называем это “становление-человеком” (смех). Или может “не-становление-человеком» [11, р.25]. Гипосубъективность основывается на концепции антропоцена не только как на антиантропоцентричной концепции, но и на антиантропологичной. Сам проект гипосубъекта поэтому является антиантропологичным.

Литература

1. Кант, И. (1980), *Логика*, пер. Гулыга, А. В., в: Кант, И., *Трактаты и письма*, М.: Наука, с. 319–444.
2. Мортон, Т. (2015), *Экология без природы*, *Художественный журнал*, № 96. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252> (дата обращения: 21.12.2021).
3. Кант, И. (1964), *Критика чистого разума*, ред. Ойзерман Т. И. в: Кант, И., *Сочинения*, в 6 т., т. 3, М.: Мысль.
4. Декарт, Р. (1989), *Рассуждение о методе*, в: Декарт, Р., *Сочинение*, в 2 т., т. 1, М.: Мысль.
5. Morton, T. (2010), *The Ecological Thought*, Harvard: Harvard University Press.
6. Мортон, Т. (2018), *Квир-экология*, *Художественный журнал*, № 105. URL: http://moscowartmagazine.com/issue/78/article/1695?fbclid=IwAR1D0iJkNsirsYIYxE8tEo4BqRTO2Kq4h7BBzBJSsHZnxoDaEbT_SI6y2Bs (дата обращения: 21.12.2021).
7. Гиренок, Ф. (2020), *О двух философских стратегиях в исследовании человека*, *Вестник Томского университета*, № 457. С. 66–71.
8. Хайдеггер, М. (2013), *Основные понятия метафизики*, ред. и пер. Бибихин, В. В. и Ахутин, А. В. СПб.: Владимир Даль.
9. Бодрийяр, Ж. (2007), *Почему все еще не исчезло?* URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgoва/zhan-bodriiiaar-rochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo> (дата обращения: 21.12.2021).
10. Хайдеггер, М. (1993), *Вопрос о технике*, пер. Бибихин В. В., *Время и бытие: Статьи и выступления*, М.: Республика, с. 221–238.
11. Morton, T. and Boyer, D. (2021), *Hyposubjects on becoming human*, London: Open Humanities Press.
12. Мортон, Т. (2019), *Статья экологичным*, пер. Кралечкин, Д., М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж».
13. Шелер, М. (1998), *Положение человека в Космосе*, в: *Проблема человека в западной философии*, М.: Прогресс, с. 31–95.
14. Лагур, Б. (2014), *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*, М.: Изд. дом Высш. шк. экономики.
15. Делёз, Ж. (2011), *Мишель Турнье и мир без другого*, пер. Свирский, Я. И., в: *Логика смысла*, М.: Академический Проект, с. 395–421.
16. Достоевский, Ф. М. (1846), *Двойник*. URL: <https://ilibrary.ru/text/18/p.1/index.html> (дата обращения: 21.12.2021).
17. Достоевский, Ф. М. (1864), *Записки из подполья*. URL: <https://ilibrary.ru/text/9/index.html> (дата обращения: 21.12.2021).

Статья поступила в редакцию 21 августа 2021 г.;
рекомендована к печати 17 июня 2022 г.

Контактная информация:

Медникова Анна Александровна — аспирант; adjika.anna@gmail.com

T. Morton's hyposubject as a new image of human

A. A. Mednikova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Mednikova A. A. T. Morton's hyposubject as a new image of human. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 3, pp. 341–353.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.306> (In Russian)

The article examines the articles of T. Morton and highlights the main points that set the tone of his philosophy. Morton does not explicitly stand out his full anthropological position, but on the basis of the central themes of his philosophy, the concept of human is recreated. The sources used were the articles “Ecology without nature” and “Queer-ecology”, as well as the books “Being ecological”, “Ecological thought”, “Hyposubjects about the becoming of human”. This approach has not yet been implemented in the Russian-language philosophical literature in relation to the selected source. In Russian-language articles, as a rule, one can find the development of T. Morton's ideas, unrelated to anthropological topics, for example, a collection of the Dark Logos dedicated to dark ecology. Despite this, the anthropological analysis is particularly interesting, since environmental topic is associated not only with environmental problems, but also with social processes and questions about human as such. F. Guattari in his book *Three Ecologies* noted that the ecological imbalance and increased interest in this topic will lead to the change in everyday life, collectivity, and, most importantly, a new type of subjectivity. On the basis of this material, an analysis of the new subjectivity characteristic of human in an environmentally friendly society was carried out. Using the philosophical and anthropological approach, typical of the philosophy of I. Kant, the author also comes to the conclusion not only about the anti-anthropocentricity of T. Morton's philosophy, but also about the anti-anthropological nature of his project, since Morton, according to the European tradition, recognizes “human's death” and works in two directions: it anthropomorphizes existence and animalizes a human.

Keywords: human, T. Morton, nature, ecology, hyposubject, hyperobject, hypersubject, exoperson.

References

1. Kant, I. (1980), Logics, rus. transl. by Gulyga, A. V., in: Kant, I., *Treatises and letters*, Moscow: Nauka Publ., pp. 319–444. (In Russian)
2. Morton, T. (2015), Ecology without nature, *Khudozhestvennyi zhurnal*, no. 96. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252> (accessed: 21.12.2021). (In Russian)
3. Kant, I. (1964), Critique of pure reason, rus. ed. by Oizerman, T. I., in: Kant, I., *Collected Works*, in 6 vols, vol. 3, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
4. Descartes, R. (1989), Meditation on method, Descartes, R., *Collected Works*, in 2 vols, vol. 1, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
5. Morton, T. (2010), *The Ecological Thought*, Harvard: Harvard University Press.
6. Morton, T. (2018), Queer-ecology, *Khudozhestvennyi zhurnal*, no. 105. Available at: http://moscowartmagazine.com/issue/78/article/1695?fbclid=IwAR1D0iJkNsirsYIYxe8tEo4BqRTO2Kq4h7BBzBJSsHZn xoDaEbT_Sl6y2Bs (accessed: 21.12.2021). (In Russian)
7. Girenok, F. (2020), On two philosophical strategies in the study of human, *Vestnik Tomskogo universiteta*, no. 457, pp. 66–71. (In Russian)
8. Heidegger, M. (2013), Basic concepts of metaphysics, rus ed., transl. by Bibikhin, V.V. and Akhutin, A. V., St Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
9. Baudrillard, G. (2007), *Why hasn't it disappeared yet?* Available at: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiiaar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo> (accessed: 21.12.2021). (In Russian)

10. Heidegger, M. (1993), Question about technology, rus. transl. by Bibikhin, V. V., in: Heidegger, M., *Time and being: articles and speeches*, Moscow: Respublika Publ., pp. 221–238. (In Russian)
11. Morton, T. and Boyer, D. (2021), *Hyposubjects on becoming human*, London: Open Humanities Press.
12. Morton, T. (2019), *Being ecological*, rus. transl. by Kralachkin, D., Moscow: Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh” Publ. (In Russian)
13. Scheler, M. (1998), Human position in space, in: *The problem of human in Western philosophy*, Moscow: Progress Publ., pp. 31–95. (In Russian)
14. Latour, B. (2014), *Reassembling the Social*, Moscow: HSE Publishing House. (In Russian)
15. Deleuze, G. (2011), M. Tournier and the world without another, rus. transl. by Svirskogo, Ia. I., *The logic of sense*, Moscow: Akademicheskii Proekt Publ, pp. 395–421. (In Russian)
16. Dostoevskii, F. M. (1846), *Double*. Available at: <https://ilibrary.ru/text/18/p.1/index.html> (accessed: 21.12.2021). (In Russian)
17. Dostoevskii, F. M. (1864), *Notes from the Underground*. Available at: <https://ilibrary.ru/text/9/index.html> (accessed: 21.12.2021). (In Russian)

Received: August 21, 2021

Accepted: June 17, 2022

Author’s information:

Anna A. Mednikova — Postgraduate Student; adjika.anna@gmail.com